

«Les Appels de l'Orient» (*Les Cahiers du Mois*). Emile Paul, frères, Edit., Paris. 1925. — René Guénon «Orient et Occident». Ed. Payot. Paris. 1925.

Съ легкой руки Шпенглера, Кейзерлинга, а также и наших евразійцевъ, вопросъ о соотношеніи Востока и Запада, о вліяніи азіатской культуры на европейскую, а также о роли Россіи въ въ возможномъ взаимномъ проникновеніи этихъ двухъ міровъ, за послѣднее время началъ привлекать къ себѣ вниманіе французскихъ литературныхъ круговъ, до сихъ поръ относившихся ко всей этой проблемѣ, болѣе чѣмъ равнодушно. Редація «Les Cahiers du Mois» недавно произвела обширную анкету относительно возможности и желательности сближенія Запада съ Востокомъ и опубликовала отдѣльнымъ томомъ многочисленные отзывы, полученные ею отъ виднѣйшихъ представителей французской мысли, а также и отъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и нашихъ соотечественниковъ В. Никитина и С. Елисѣева. Любопытный матеріалъ этотъ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Русскій читатель, вѣроятно, будетъ пораженъ той категоричностью, съ которой нѣкоторые французскіе авторы утверждаютъ — вопреки всему пережитому нашимъ поколѣніемъ — абсолютное превосходство западной европейской цивилизаціи и отмахиваются отъ Востока, какъ отъ назойливой мухи. «Я знаю теперь», заявляетъ знаменитый писатель Андре Жидъ, «что наша западная (т. е. французская) цивилизація, не только самая прекрасная, но и вообще единственная». Абель Боннаръ, забывъ о всемъ вынесенномъ имъ изъ долготѣлныхъ странствій по Китаю, утверждаетъ съ легкомысліемъ истиннаго парижанина, что вся проблема Востока навѣяна одной лишь преходящей «модой», которую забудутъ черезъ годъ-другой. Нѣкто Поль Дерме, разочаровавшись въ азіатской философіи, сравниваетъ ея глубину — съ глубиной лужи. Публицистъ графъ де-Фельсъ полагаетъ, что кличъ «Обратно въ Азію» придуманъ нѣмцами, разочаровавшимися въ своихъ прежнихъ теоріяхъ, основанныхъ на культѣ грубой силы; «интели Франціи, говоритъ онъ, дѣйствительно иногда поворачиваются носомъ къ Востоку, но только, чтобы выяснитъ, когда пойдетъ дождь или солнце засвѣтитъ надъ полями». Наиболѣе яркимъ выразителемъ подобныхъ взглядовъ является вліятельный въ католическихъ кругахъ Генри Массисъ. Подтверждая мнѣніе Фельсы, онъ говоритъ, «что всѣ эти псевдо-азіатскія идеи вообще не существовали бы, если бы ихъ извѣстнымъ образомъ не гальванизировало соприкосновеніе съ западными ересями нѣмецкаго или *славянскаго* происхожденія». Съ Востока, продолжаетъ онъ, къ намъ идутъ отъ разныхъ Тагоровъ и Ганди, въ переработанномъ видѣ, наши собственныя идеи, или вѣрнѣе говоря, худшія изъ нашихъ безумныхъ бредней. Шпенглеризмъ — одна изъ формъ германскаго отчаянія. Слишкомъ очевиденъ интересъ побѣжденныхъ народовъ, когда они стремятся убѣдить Европу

въ неизбежности мировой катастрофы. Идеологи, работающіе надъ пропагандой восточной культуры и мысли просто служатъ видамъ цѣлковой политической коалиціи. Всѣмъ этимъ фантазіямъ надлежитъ противопоставить греко-латинскую культуру и католическую церковь, ибо лишь они одни обезпечиваютъ универсальное и рациональное равновѣсіе человеческого ума.

Необходимо однако признать, что большинство участниковъ сборника не раздѣляютъ подобныхъ проявленій французско-европейской самовлюбленности и ослѣпленія.

Очевидный для всѣхъ непредубѣжденныхъ людей кризисъ западной цивилизаціи невольно толкаетъ пытливые умы на поиски какихъ-то иныхъ, болѣе глубокихъ началъ, которыя могутъ быть почерпнуты прежде всего въ духовной жизни азіатскихъ народовъ. Эдмондъ Жау видитъ въ индуистской философіи естественный противовѣсъ противъ чрезмѣрнаго себялюбія, являющагося первопричиной несчастій обитателей Западной Европы. Жанъ Шлюмберже замѣчаетъ, что лишь *замедленіе жизненнаго темпа*, которое можно позаимствовать на Востокъ, способно спасти насъ отъ утраты врожденныхъ намъ началъ мудрости. Вліяніе Востока, утверждаетъ Ренэ Кревель, уравновѣситъ гораздо болѣе опасное, убивающее духъ вліяніе Америки. По словамъ Габріеля Аудизіо противоположеніе Востока и Запада основано на извѣстной борьбѣ двухъ началъ: идеализма и утилитаризма; ихъ взаимное проникновеніе одно можетъ повести насъ къ болѣе высокимъ формамъ духа. Аналогичнаго взгляда придерживается Ж. Баю: Аанатоль Франсъ былъ послѣднимъ представителемъ западной культуры въ ея чистомъ видѣ; отнынѣ намъ уже нельзя будетъ игнорировать Индію, Персію и Китай. Передъ лицомъ Востока наше тяготѣніе къ активнымъ практическимъ дѣйствіямъ во что бы то ни стало, независимо отъ конечной цѣли, представляется какимъ то смѣшнымъ ребячествомъ. Жанъ да Лартигъ, стоя на той же точкѣ зрѣнія, предостерегаетъ, однако, отъ ненужныхъ посредниковъ между Западомъ и Востокомъ «монгольскаго капральства возсозданнаго въ Москвѣ» и «учебниковъ доктринъ Лао-Дзе мюнхенской фабрикаціи». Лартигъ, конечно, не повѣрилъ бы своему сосѣду по сборнику, В. Никитину, который пытается увѣрить французскихъ читателей, что для насъ русскихъ «знаніе Востока — не поза, не капризъ мысли — а введеніе къ самопознанію».

Особаго вниманія заслуживаютъ въ данномъ вопросѣ отзывы авторовъ, склонныхъ къ мистикѣ и эзотерикѣ. Не имѣя возможности останавливаться на нихъ болѣе подробно, ограничимся слѣдующей характерной выпиской изъ статьи О. Вирта: «Пускай эгоистическія и хищническія націи, разочарованныя въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ причитаютъ надъ сумерками своихъ ложныхъ боговъ? Ихъ крушеніе не равнозначуще съ гибелью Запада. Истинный Западъ вовсе еще не состарился; онъ полонъ жизни и вѣры и именно онъ хочетъ встряхнуть древній Востокъ».

Но, конечно, Востокъ насъ многому можетъ научить: его традиціи для насъ въ высшей степени цѣльны, ибо намъ надо принятъся вновь за дѣло древней Александріи. Мы должны будемъ осуществить въ большомъ масштабѣ то, что было начато въ скромныхъ размѣрахъ 2.000 лѣтъ тому назадъ. Мы должны стремиться къ интегральному космополитизму: все интеллектуальное и моральное наследство человечества должно быть сведено воедино и предоставлено въ распоряженіе всѣхъ людей... Лишь западный геній, вѣрный чистому духу христіанства можетъ осуществить это великое дѣло». Въ аналогичномъ смыслѣ, но еще болѣе кратко и выразительно, Сэдиръ призываетъ къ поглощенію двухъ относительно началъ: неподвижнаго Востока и безцѣльно мятущагося Запада единымъ абсолютомъ.

Къ этому же послѣднему лагерю относится и Рено Генонъ, писатель необычной для французовъ глубины, посвятившій своимъ размышленіямъ на разсматриваемую нами тему отдѣльную книгу подъ заглавіемъ «Orient et Occident». Въ своей оцѣнкѣ западно-европейской цивилизаціи Генонъ во многомъ сходится со Шпенглеромъ. Онъ обвиняетъ ее въ увлеченіи псевдо-научными знаніями, въ ущербъ «чистой» интеллектуальности. Онъ ставитъ ей въ вину безбѣрный матеріализмъ, механизацию жизни и замѣну «метафизической» морали — моралью «сентиментальной». Въ конечномъ итогѣ западная цивилизація, по его мнѣнію, — чудовищная аномалія. Пути исцѣленія отъ переживаемыхъ нами недуговъ — предугазаны Востокомъ. Генонъ не теософъ и не окультистъ, но онъ глубоко проникнуть вѣрою въ эзотерическую мудрость азіатской мысли. Восточная опасность, въ томъ видѣ, какъ о ней говорятъ политики, для него представляется несуществующей: древняя Азія просто съ улыбкой смотритъ на дѣтскія забавы Европы. Что же касается русскихъ, — относительно интеллектуальныхъ способностей конкъ Генонъ почему то весьма невысокаго мнѣнія, — то ихъ вообще лишь по недоразумѣнію можно причислить къ Востоку и всѣ рассказы объ успѣхахъ русскаго коммунизма въ Азіи должны быть отброшены, какъ простая сказка. Но перенять восточную мудрость путемъ механическаго пересаживанія ся, подобно тому, какъ Востокъ перенимаетъ у насъ нѣкоторыя матеріальныя усовершенствованія — вещь неосуществимая. Остается одно — вернуться къ традиціоннымъ истокамъ чистаго метафизическаго духа, и на глубинахъ его окажется, что между «истиннымъ» «религіознымъ» міропониманіемъ Востока и Запада нѣтъ противорѣчій. Таково кратко резюме книги Генона, которая несомнѣнно заслуживаетъ внимательнаго прочтенія.

К. Грюнвальдъ.